

Отец-миллионер под прикрытием

Автор:

Мила Дали

Отец-миллионер под прикрытием

Мила Дали

Первая любовь не забывается? Теперь я в этом не сомневаюсь. Спустя десять лет мы вновь встретились. Я поняла, что чувства не остыли, а он даже не вспомнил. Обманул, сказав, что работает водителем. Раскрыла обман слишком поздно, когда забеременела. Сейчас я держу тест с двумя полосками и боюсь. Не знаю, как отнесется отец-миллионер к своему неожиданному наследнику.

Мила Дали

Отец-миллионер под прикрытием

Глава 1

Мария

– Марусь, выйди в зал. Тот покупатель снова пришел. Ух, зверюга! Ему ничего не нравится, все нервы вымотал, честное слово! – возмущается коллега Дарья, наряженная в изысканную форму элитного магазина мужских костюмов. Французского бренда.

– Он ничего не купит. Сама рассказывала, не похож на постоянных – слишком просто одет, – вздыхаю, ковыряю ложкой в запаренной овсяной каше.

– Ничего не купит, а последнюю каплю терпения высосет. Не могу, все. Пусть меня увольняют! – трагически говорит Дарья и от обиды рассекает воздух ладонью.

Медленно разворачивается, низкими каблуками топает по полу. Коллега знает о моем таланте находить общий язык с любым человеком. Знает меня как лучшего работника месяца и добросердечную приятельницу.

– Ай, ладно. С тебя шоколадка...

Я не очень довольна, однако поднимаюсь со стула. В комнате персонала вновь втискиваю ступни в узкие лакированные лодочки.

За пару метров до выхода в зал выпрямляю спину. Смотрю в настенное зеркало, меняю выражение лица – чтобы глазеть на зверюгу, как на родного. Любоваться им. Распахиваю позолоченную дверцу и тут же отхожу назад в комнату персонала. Внезапно натыкаюсь на Дарью, которая серой тенью стоит за моей спиной:

– К нему не выйду, – ахаю я.

Отчаянно вцепляюсь в дверной косяк, а Дарья толкает:

– Ну нетушки, Марусь! Назвалась груздем – полезай в кузов, – змеей шипит мне в ухо.

Мои влажные ладони соскальзывают с косяка, и я мелкими шажками вылетаю в зал.

Прямоком к мужчине. Горделивому донельзя. В глаза сразу же бросается его рубашка. Она выделяется среди темных пиджаков, развешанных на золотых стойках.. Яркая, в клеточку. Эта рубашка скрывает спортивную фигуру мужчины.. Я помню его тело и в одежде, и без. А теперь бессовестно пялюсь на его черный ремень и такие же черные джинсы... Недорогие.

Я прекрасно разбираюсь в одежде, но не в мужчинах. Я помню его глаза – зеленые. Сияющие в холодном свете ванной комнаты. Они сияли магнетическим

пламенем. Его обезоруживающий взгляд уничтожил крупинки моего сознания и основы морального воспитания в прах. Никогда не прощу его за это!

Сейчас он прячет свои бесстыжие глаза под надежными линзами солнцезащитных очков. Рукой брезгливо расталкивает брендовые наряды на вешалках.

Сегодня девятое марта, а вчера было восьмое. Логично, не спору. Вчера мы с моей лучшей подругой Лизой праздновали женский день, развлекая себя шоколадными пирожными и чаем.

В кухне у Лизы вкусно пахнет выпечкой. Девушка плачет, заглушая обиду на Александра сладким десертом. Бросил ее, наглец, аккуратно в преддверие праздника. Я не особо переживаю – помирятся. Александр всегда так делает, когда к календарю подкрадываются заветные даты. Может, подарки дарить не хочет, может, фетиш такой – кто ж его знает.

Отхлебываю чай и вздрагиваю – слышу громкий, настойчивый стук кулаком по двери. Сильный. Вот-вот с петель сорвет. Немножко пугаюсь. Александр так не стучит, он интеллигент заученный. Поглядываю на Лизку, а она на меня:

– Сейчас посмотрю, кто явился.

– Может, не надо? Лиз, вдруг там бандит?

– И слава всевышним Патрикам! Пусть лучше меня бандит утащит в плен, чем этот предатель Александр!

Слишком быстро подруга подскакивает с места. Задевает столешницу, проливает чай. Я теряюсь лишь на мгновение и тянусь за тряпкой. В прихожей суeta. Слышу низкий мужской голос. Приятный. Потом раздается радостный Лизкин визг.

Подруга возвращается в кухню с огромным букетом красных роз, пытит, еле тащит. Горит вся, расплывается в довольненькой улыбке. Я тоже горю и лицом

перенимаю цвет композиции.

– Знакомься, Манька, мой братик Марат! – восклицает она.

А мне больше хочется раствориться в воздухе. Быстро вскипеть и потом испариться в открытую форточку. Я сразу узнаю Марата Райнера. Бывшего однокурсника, самого популярного ловеласа в группе. Любовь моя первая и, конечно же, безответная. Он проучился с нами всего один год и слинял куда-то за границу. Спустя десять лет Марат стал еще привлекательнее.

Здоровенный красавчик, непробиваемая стена натренированных мышц. И улыбка. Все такая же дьявольски-милая, очерченная ухоженной бородой. А вот раньше он не носил растительности на лице. Неважно.

Повисает неловкая пауза, сминаю в руках мокрую тряпочку, неотрывно пялюсь на Марата. Тот лишь дергает бровью, спешит прервать мою тупую реакцию. Шагает близко, протягивает ладонь.

– Очень приятно, – выдавливаю из себя писк.

– Ага. Вас-то как зовут?

– Маша.

Марат вежливо кивает и снова полностью отдает свое внимание сестре. Он меня не вспомнил. Не вспомнил Марию Кошкину, что весь начальный курс сидела на первой парте и только искоса поглядывала на задние ряды. Конкретно – на этого самого плута. Взбалмошного задиру.

– Марат, а ты чего не предупредил о прилете? Разве командировка в Испании уже закончена?

Лиза суетится, достает из тумбочки под раковиной ведро – ни в одну вазу не поместится столь роскошный букет.

– На выходные вернулся. Хотел сделать сюрприз, – отвечает сестре и вновь скользит по мне блестящим пристальным взглядом. – За тортиком сгоняй. Будь так любезна. Я слишком голоден после самолета.

При слове “голоден” я крепко стискиваю зубы, жмусь к столешнице.

Подруга соглашается, на радостях блаженным вихрем летит в прихожую. Хлопает дверцей.

Мы остаемся с Маратом наедине.

Он гость, но чувствует себя хозяином. Невозмутимо включает чайник. Знает, где стоят кружки. Его мощная, тяжелая энергетика давит. Становится сложно дышать. Господи. Нужно спрятаться, дожидаться возвращения Лизки, а после как можно скорее слинять. Еще немного – и сердце точно разорвется от бешеного ритма.

– Извини, сейчас вернусь, – тихо говорю.

Но Райнеру абсолютно плевать на мой лепет. Мужчина вальяжно разваливается на стуле, где сидела я, и перемешивает ложкой сахар. Джинсовку даже не снял.

На слабых ногах шагаю в первое попавшееся на глаза укрытие – совмещенный санузел. Я закрываю дверь и только сейчас могу нормально вдохнуть.

Вообще-то воду фильтровать надо, а не пить из-под крана, но в горле пустыня. Губами льну к серебристому кранику, смачиваю ладошки. Пытаюсь остудить щеки – плохо помогает, и тушь на глазах смазывается. Пялюсь в зеркало. Вздрагиваю, светло-синий кафель, будто размывается, я вижу в отражении Марата.

Райнер просто захотел помыть руки, не спрашивая моего разрешения войти – и на секунду не сомневаюсь в этом. Прикусываю губу, не в силах пошевелиться. Райнеру жарко с дороги, именно поэтому он сейчас в один взмах скидывает джинсовку под ноги. И, черт возьми, это ему не помогает – следом летит рубашка. Только теперь крепко зажимаюсь, будто раскаявшаяся рецидивистка, и опускаю голову. Крашенные белые пряди падают на лицо, плечи, гляцевую поверхность раковины.

Я слышу дыхание совсем близко, оно горячей волной проходится по коже, волосам, чуть спутанным ветреной погодой и так и не расчесанным.

– Ты очень красивая женщина...

Господи. Столько лет я мечтала услышать эти слова. Желанные до мурашек. Столько лет я пыталась выкинуть из головы Марата Райнера, навсегда забыть его голос.

И снова этот яд разливается по венам, окутывает тело, вдребезги уничтожает сознание. Черный яд Марата Райнера с каждым вздохом сладостным ароматом пропитывает меня изнутри. Распирает. Заставляет гореть.

Давлю в себе слезы. А за спиной будто расправляются крылья. И не разрушить ту страстную любовь, не превратить в развалины и построить на их месте счастливую новую жизнь.

Мне двадцать восемь лет. И я одинока. Парочку краткосрочных романов даже вспоминать не хочется.

– Марат...

– Тсс... Ничего не говори.

И мое шелковое платье, словно само скользит по коже вверх и собирается на талии. Я оказываюсь в крепком, обжигающем кольце мужских рук, из которого теперь не выбраться. Пропускаю пару ударов сердца. С губ срывается тихий стон.

Марат Райнер брезгливо расталкивает наряды на вешалках. Будто не дорогие костюмы, а тряпье с местной барахолки.

Меньше всего на свете сейчас хочу видеть его. Он говорил, какая Машенька хорошая. Красавица. Задыхаясь в приятных ласках, усыпал комплиментами. Ничего не пропустил, все отметил, каждую часть моего тела.

А потом!

Он говорил, что ему по душе одноразовые авантюры, как ни в чем небывало застегивая ширинку.

Одноразовые.

Я не дождалась подругу и тут же вылетела вон. Схватила пальто и сапожки. Марат Райнер смеялся. Он надменно рассуждал, что ему понравилось. А я натягивала длинные сапоги в подъезде. Обидно до одури.

И этот самый человек – The first love. Проклятье.

Бесшумно идти не получается, сохранять рабочую маску на лице тоже. Невольно напрягаю губы, плохо скрываю стыд. Стыдобище.

– Чем могу помочь?

Хотя бы фраза вылетает на автомате. Годами отточенная.

– Свадьба у меня. Скоро. Приодеться хочу, да что-то у вас стариковские тряпки одни болтаются. Коллекция новая где?

Отшатываюсь в сторону, а Марат только сейчас соизволил обратить на меня взгляд. Царский. Не тот, каким прожигал меня через зеркальное отражение в ванной.

Он смотрит на меня сверху вниз, медленно снимает солнцезащитные очки, зажимает меж пальцев в ладони. А я трясусь, но гордо поднимаю подбородок.

– Ссс... справа. Давайте уж. Пройдемте.

И стискиваю зубы. Культурной змеей излагаю корявую речь, что больше походит на шипение. Так же коряво – на прямых ногах, будто нет коленок – марширую в противоположный конец зала. А Марат за мной.

Я вот сейчас выберу самое дорогое! Ценником ненавязчиво помашу перед носом обманщика. Собью с него эту спесь повелителя.

Райнер с задумчивым видом снова наводит хаос в идеально развешанных брендовых шмотках. В единый комок превращает аккуратно разложенные рубашки. Мной лично, старательно. Каких-то тридцать минут назад.

– Примерю темно-синий костюм. А еще этот, этот и тот.

Тот и этот он повторяет, не раз и не два. Указывая почти на весь ассортимент. Просит рубашечку подобрать. Сомневается, что ему больше подойдет – бабочка или галстук? Совета спрашивает. У меня. Бесстыжий.

– В примерочную пойдём? Марусенька...

Терпко-сладковатый до дрожи знакомый аромат его одеколona застревает в ноздрях. В горле снова пустыня Сахара. На рефлексaх сглатываю.

– За углом. Прои́дете, я вас провожу.

– Ага. Костюмчики не забудь прихватить, Машенька, – уверенно заявляет, огибает меня сбоку, первым шагает.

Оглядываю его высокую крепкую фигуру, подбираю нужный размер. Несколько моделей, что помещаются в руки. Потом еще вернуться.

Через пару минут крадусь по глянцевому коридору с кабинками. В самой дальней занято. Вежливо стучу по дверце и успеваю отстраниться. Дверца резко распахивается, и показывается Марат, возвышаясь огромной скалой. Его клетчатая рубашка уже снята, небрежно брошена на бархатный пуф.

Ох...

Опускаю глаза, чтоб не пялиться. Вытягиваю руки с вещами для примерки.

– Маруська, лимонов покушала? Почему лицо такое кислое? Кто посмел испортить тебе настроение?

Он, наверное, издевается. Честное слово. Заливаюсь румянцем. – Не Маруська, а Мария Владимировна Кошкина.

Марат в удивлении сдвигает брови. Будто услышал не имя, фамилию, отчество. А нелепицу. Шуточку. Ведь я как раз в тех самых чувствах. Эйфорических. Ну.

– Кошкина... – задумчиво повторяет, натягивая на плечи сорочку. – Я знал одну Кошкину. – Опять медитирует на меня через отражение в зеркале. С недавних пор терпеть не могу зеркала. – А глаза-то у тебя серые, да?

– Да, Марат..

– Seriously? Та самая Кошки-Мышкина? Тьфу... Маша Кошкина? Заучка с юридического? Никогда бы не подумал. Похорошела – зачет, Кошкина. Впрочем, у тебя с ними никогда проблем не было.

– Угу... – пожимаю плечами.

И как же я ждала вот этого вопроса. Чудо произошло бы, если бы не задал его:

– А в магазине что делаешь? Почему не бомбишь всех в роли самого лучшего адвоката?

– Не сложилось.

И Марат улыбается. Сам наверняка из офисного планктона на побегушках. В лучшем случае. Наглый задира и двоечник. Больше ничего не говорит и примеряет уже десятый костюм. Ценой не интересуется. Но какую бы модель ему ни предложила, он обязательно находит в ней изъян.

Второй час в компании Райдера – не романтические финтифлюшки, а наказание. Спина взмокла от беготни туда-сюда. Виски сковало мигренью.

– Не нравится, Кошкина. Сильно простенько. И галстук в горошек совершенно не идет.

Отбрасывает последний костюм. Марат не знает, как мою грудь щемит от раздражения. Мужчина надевает свою рубашку и покидает магазин, так ничего и не купив.

Глава 2

Дарья подкрадывается с виноватым видом, легонечко хлопает меня по плечу:

– Ну что, с пустыми руками ушел, да?

Марат Райнер явно перепутал двери, заглянув в наш магазин. Монополистом себя возомнил. Далеко ему до высот буржуазных. Например, до Михаила Сергеевича, солидного уважаемого человека с большой золотой печаткой на пальце, неторопливо разгуливающего по отделу.

Дарья рванула к нему пушечным залпом.

И только вдох выдает мою злость, приправленную острой обидой на Райнера. Слово не воробей. Марату следовало осмотреться перед тем, как говорить про свадьбу. А не болтать, не глядя на девушку, с которой всего день назад развлекался далеко не разговорчиками. Марат, конечно, удивился, обернувшись ко мне после. Думал, что не замечу его секундного ступора. Хорош жених, сочувствую невесте.

Мои руки, словно превращаются в ледышки, но я продолжаю раскладывать сорочки. Возвращать костюмы на вешалки. Скидок не намечается, как и ажиотажа покупателей. Еле дорабатываю до положенных десяти вечера. Завтра у меня выходной, постараюсь отвлечься. С тяжелой головой сгребаю телефон и контейнеры в сумочку, надеваю пальто – Дарья отдел закрое.

Выхожу из магазина, невольно разглядываю пустынный торговый центр. Глупости, но где-то в глубине души хочу снова увидеть Райнера. Заглянуть в его наглющие очи. Позволить себе едкую фразочку на правах обманутой женщины – считаю это справедливым.

Двигаюсь к эскалатору и чувствую вибрацию в сумочке. Волнуюсь, сердце стучит.. Забываюсь, чуть не падаю с автоматических ступеней, но придерживаюсь и спускаюсь на первый этаж.

Концентрируюсь на экране – зря торопилась, не Райнер звонит, не скрытый номер и даже не Лизка. Павлик. Бойфренд по переписке. Не раз отвергнутый, но настойчивый. Три месяца назад познакомились, ни разу не встретились. По моей инициативе, естественно. Сдуваю с лица выпавшую прядь, беру трубку.

– Мария, привет. Как дела? – слышу.

– Привет. Хорошо, – отвечаю.

А дальше и пересказывать бессмысленно. Всем известные стандартные вопросы и ответы. Каждый день одно и то же. И в звонках, и сообщениях в мессенджере.

Павлик – двухметровый щупленький программист, не лишенный чувства такта. Говорит, запал на меня с первого взгляда. Говорит, что при виде моей аватарки у него поднимается не только настроение. Испытывает, глядя на фото, некий азарт. Животный инстинкт. Но не прочь познать мой внутренний мир тоже. Цитаты из смс Павлика легко найти на пикаперском форуме в Интернете.

И почему я с ним до сих пор общаюсь? Наверное, из-за отсутствия друзей, кроме Лизки. А сожитель Касьян умеет только слушать. И слава богу, что не отвечать. Когда говорю Касьян, имею в виду кота. Дворового бомжатку. Мной лично подобранного, отмытого и накормленного. Теперь он не озябший скелетик, сидящий у помойки, а толстая серая задница. Но благодарный, ласковый.

Я снова вспоминаю обманщика Марата Райнера и как плевком выдавливаю из себя:

– Давай встретимся, Павлик. Прямо сейчас и ни днем позже.

– Ох, Мария. Это... это так неожиданно. А где? На улице начался дождь, и с транспортом напряженка.

– Неважно, говори улицу, сама подъеду! – говорю гордо и уверенно. Максимально решительно беру ситуацию в свои руки. Обескураживаю Павлика.

– Весенняя. Позволь тогда в кафе пригласить. Чудесное место!

– Отлично, Павлик. И совсем недалеко.

Всего-то пару остановок. Быстрым шагом иду прочь из торгового центра. Ощущаю себя мятежной революционеркой. Глупости, но я хочу отомстить Райнеру. И он, конечно же, об этом никогда не узнает, но так мне будет легче.

А Павлик не соврал. Затянутое хмурое небо не радует. Щедро одаривает противными осадками. Прикрываю голову сумочкой, бегу через дорогу на остановку по не регулируемому пешеходному переходу. Внезапно здоровенная черная машина чуть не сбивает меня прямо на зебре. Блестящая спортивная тачка, как из рекламы, трет шинами асфальт, останавливаясь в полуметре от меня. Всхлипываю, замираю, мутным взглядом пялюсь в лобовое стекло. Проливной дождь размывает взор, глаза щиплет от туши.

Мне снова мерещится Райнер за быстроработающими дворниками. Бред. Откуда у него деньги на такую роскошь?

Срываюсь с места, со всех ног бегу дальше – нужно успеть на автобус. Сквозь уличный шум слышу позади голос. Наверняка ругательства. Мокрой вороной залетаю в общественный транспорт, жмусь к поручню, перевожу дух. Достая влажные копейки из кармана пальто, отсчитываю кондуктору. Придерживаясь, плюхаюсь на свободное сиденье к окну, бессмысленно разглядываю улицу через грязное окошко.

Из-за дождя вместо волос образовались сосульки, но у меня нет цели разжечь в сердце Павлика огненную любовь. Однако достаю зеркальце, пальцем стираю остатки макияжа с лица. Глаза покраснели – до сих пор не привыкла к линзам.

По громкой связи объявляют Весеннюю, поднимаюсь и иду на выход. Просачиваюсь сквозь толпу людей с зонтиками и просто в капюшонах, снова пробегаю мимо пары домов, пока перед глазами не появляется ярко-желтая вывеска.

Протяжно выдыхаю, дергаю пластиковую ручку дверь. Попадаю в небольшой зал, он практически забит. Верчу головой по сторонам, замечаю среди подростков Павлика. Тридцатипятилетнего. Причесанного набок. В узорчатом свитере, с торчащим белым воротничком рубашки из-под него.

Ни секунды не колеблюсь, а сразу двигаюсь к нему. Маневрирую между тесно расставленными столами и курточками на спинках стульев.

– Вот она я! – с запалом вскрикиваю, скажусь и падаю напротив Павлика.

А тот краснеет. То ли стесняется, то ли не понравилась ему. Совсем.

– Я тут... купил... для тебя, – тихонечко бормочет, подталкивая поднос с картошкой, Колой и куриными крылышками.

– Отлично, я как раз голодная.

Павлик не такой смелый в реальности, как дистанционно, но я не отчаиваюсь, пытаюсь расположить парня. Расслабить обстановку. Макаю ломтик картофеля в сыр соус.

– Чем вообще занимаешься кроме программирования?

Запускаю фастфуд в рот и неожиданно подпрыгиваю от того, что чувствую тяжелую ладонь, нагло сжимающую плечо через плотную ткань пальто. Оборачиваюсь, поднимаю глаза.

Замечаю Райнера. Он загадочно смотрит на меня, улыбается. Откуда Марат здесь появился?

– Привет.

– Пока. Не видишь, что ли? У меня свидание!

Марат еще сильнее давит ладонью мое плечо. Не больно совсем. Нозяще.

– С ним?

Кивает в сторону Павлика.

А мой потенциальный кавалер, как свеколка. Растерялся. Пальчиками сжимает картонный стакан с Колой. Реакция его странная. Я бы хотела видеть в его глазах жажду и желание пойти на дуэль за даму. Только без пистолетов, но с белой перчаткой в лицо. Обязательно. Ну да ладно, сама кину, если понадобится.

– Не с ним, а с Павлом. Он у меня успешный, начитанный программист, между прочим.

Давай, Павлик. Покажи своего внутреннего хищника. Не посрами поющую выдуманные дифирамбы Кошкину!

И кавалер почти воспрянул духом. Спину даже выпрямил. Поглядывает на здоровенного Райнера... не больше трех секунд. И опять утыкается в поднос с фастфудом.

Марат отпускает мое плечо и медленно подходит к Павлику.

– Уважаемый, будь так любезен, подожди у стойки. Мне нужно кое-что сказать одной милой леди.

Только не это. Глазами вампира всасываюсь в программиста. Напрягаю телепатию. Тщетно. Ай, мягкотелый Павлик. Разве так отстаивают даму сердца? Павлик просто уходит, так и не возразив Марату.

Довольный самоуверенный Райнер падает на освобожденное место, складывает локти на стол.

– Ну, чего надобно? – бурчу, хмурю брови, лихорадочно перемешиваю соус картофельным ломтиком.

– Кошкина, а тебе кто-нибудь говорил, какая ты красивая?

– Говорил. Вчера. В ванной комнате у Лизки. – отвечаю сквозь зубы.

А Марат улыбается. Смотрит на меня неотрывно, закусывает нижнюю губу. И в его мыслях сейчас отнюдь не скромная забегаловка. Он вспоминает, как

растворялся, заставлял меня кричать. Но далеко не от боли. Он вспоминает ласки и каждое прикосновение рук.

Я вроде не хочу ему понравиться, но на рефлексх поправляю влажные волосы. Стыдливо опускаю взгляд.

– И этот человек был прав. Никогда бы не подумал, что из пухлого серого хомячка, можно превратиться в тебя.

Марат Райнер не привык подбирать красивые словечки, он говорит в лоб. Тянется горячей ладонью и чуть дотрагивается до моей.

– Как там невеста? К свадьбе все подготовил? Костюмчик-то купил? – язвительно пишу.

А сердце выворачивается наизнанку и щемит. Я не хочу отталкивать Марата, однако приходится. Отдергиваю руку, как от огня. Всего пару секунд касался меня мягкой ладонью Марат Райнер, но душа успела догореть. Дотла.

– Пойдешь со мной?

– Куда?

– Плевать куда, лишь бы вместе.

“Кошкина, нет!” – кричит мне внутренняя богиня. От напряжения подскакиваю, роняю пластиковый стульчик. Марат синхронно со мной встает, сгребает меня в охапку. Мне становится неловко перед Павликом, что бледным привидением парит возле стойки раздачи. Райдер обнимает все крепче, расталкивая казенную мебель, освобождает путь, открывает дверь. И на улице нас снова приветствует дождь.

– Задолбал лить. Скажи же, Марусь?

– Ага, погода не для прогулок.

Холодный ночной город практически безлюден. Только машины плывут по залитой дороге, разбрызгивая грязные лужи. Ёжусь.

– А может, к тебе? Чаю попьем. Ммм? Повспоминаем прошлое?

– Ты общался со мной в институте лишь по одному поводу – когда списать надо было.

– Так это поправимо. На, Кошкина, мою джинсовку, прикройся, – накидывает ее мне на голову, – не хватало еще заболеть, – и озирается по сторонам.

– Остановка за углом. Ты чего, Марат? Освоиться еще не успел после Испании?

Веду мужчину, осторожно перепрыгивая лужи. Хотя чего уж там. Ноги и так насквозь промокли. У тротуара замечаю ту самую тачку. Спортивную. Не сбившую меня сегодня на зебре. Водитель явно заехал не в тот двор. Не к тем людям.

Селебрити в новостройках кучкуются. Кто рангом выше, тот вообще в коттеджном поселке. Среди особняков и замков.

Мне интересней Марат Райнер и его финты. Он думает, что самый умный, коварный. Попробуй-ка обмани Марию Кошкину еще раз.

Под крохотным навесом остановки ничуть не теплее. Райнер в одной футболке за моей спиной – прикрывает от дождя и ветра. Смотрю расписание автобуса в приложении – вот-вот подъехать должен.

– Ах ты! Педант неаккуратный! – возмущается Райнер, принимая на себя всю прелесть дорожной слякоти из-под колес бело-зеленого транспорта.

Тихо хихикаю. Странно. Вроде обычный момент случился, обрызгали и обрызгали. С кем не бывает? Но вид у Райнера – будто с Луны свалился.

Внутри автобуса пустой салон, за исключением веселой компании на задних рядах. Проходим с Райнером ближе к водителю, садимся на парное место. Суровая контролерша, раза в три шире Маратика, черным сумраком нависла над

нами.

– Я заплачу, Марусь, – галантно заявляет, пресекая мои шебаршения в кармане с мелочью.

Он тянется к джинсовке, достает из внутреннего кармана портмоне. По привычке рабочей разглядываю вещь. Явно подаренная. Он достает красную купюру и невозмутимо предлагает контролерше. Глупец...

– Это что такое?! – басит женщина. Таращит глаза ярости на Райнера.

– Эм... деньги. Мало?

Смотреть на растерянного Марата – одно удовольствие. В России живет, а удивляется так, словно с Арабских Эмиратов явился. Ну или еще откуда-нибудь.

– А я вам где сдачу искать буду?

Женщина склоняется еще ближе. Давит своим авторитетом на Райнера.

– Нет мельче.

Грузная дама на повороте отшатывается, но быстро двигается по салону, не придерживаясь. Всегда восхищалась вестибулярным аппаратом кондукторов.

– Толя! Толя! Останавливай автобус! Нас нагреть вздумали! – орет она водителю.

Ох.

– Да подождите! Нашли десятки. Мы оплатим билеты... – вступаюсь я.

Хватаюсь за сидишку спереди, тычу монетами, зажатыми в кулаке. Кондуктор фырчит, дергает бровью, принимает деньги, но недодает мне полтора рубля сдачи. Замечаю, что Райнер чувствует себя неуютно.

– ...Расстроился, что ли, Марат?

Заглядываю в красивые... нет, чертовски красивые глаза Райнера. А он цыкает:

– Нервные, куда деваться, чтоб не...

Не успевает договорить – по громкой связи объявляют мою остановку. Нужно торопиться. А то прихлопнут дверями и не заметят. Со мной так было уже. Несколько раз.

Марат выходит первым и подает мне руку. Ощущаю себя немного царевной, жаль, король занятым оказался.

Ливень стих, на радость нам. Однако после теплого салона автобуса начинает морозить. Под мокрой одежкой даже слабое дуновение ветерка пробирает до костей. Не отпускаю ладонь Марата, топаю сапожками по грязи напрямик в темный двор. Согреться хочу, сил нет. Телом. А в душе разгорается пламя.

– Подожди, Белоснежка! – парализует голосом Райдер, бурным вихрем подхватывая меня на руки. – Там лужа огромная, утонешь.

Еще раз ох.

– Почему Белоснежка?

– Ну так светленькая ведь. Блондиночка.

Пропускаю два рваных вдоха, пальцем указываю на пятиэтажку. При Хрущеве построенную. А на первом этаже моя квартира. Лично арендованная. И окошки, надежно прикрытые железными решетками, как раз к подъезду выходят. Только у двери Райнер позволяет мне встать на ноги и чуть отстраняется. Прислоняю магнитный ключ, тяну железную дверь.

Внутри подъезда котами воняет. Не моим Касьяном, а местными. Жалко их. Мне жалко, Людмиле Петровне и Агафье Никитичне. Остальные жильцы подъезда предпочитают нейтралитет. Но не обижают пушистых.

Далеко подниматься не надо. Практически напротив первого пролета моя дверь. Обитая, кожзамом. Открываю замок, распахиваю дверь, пропускаю вперед Марата.

– Миленко у тебя.

Глава 3

Не то слово.

В полпрыжка забегаю следом, на автомате проворачиваю замок. Райнер, как воспитанный, снимает кроссовки у порога. С барским видом шагает по моей однушке. Касьян озадачен, он по привычке выбежал встречать хозяйку, а наткнулся на чужого мужика. Это не по нраву ему. Потенциальная угроза Райнер.

– А ну-ка иди сюда, кисонька... – ласковым голосом шепчет Марат, протягивая к Касьяну руки.

Мой кот так и не попрощался с бубенцами. И сейчас он на нервах. Обои, кстати, в кухне уже разодрал, следующим будешь ты, Райнер! Я слышу вопли из комнаты. Звериный дуэт кота и Марата. Безумец все-таки посмел поднять Касьяна на руки.

– Он только со мной добрый, – пожимаю плечами, подкрадываясь со спины.

– Кто ж знал, кто ж знал, Марусь.

И как-то совестно немножко смотреть на красные царапки, зияющие на мужских запястьях. Тем временем Касьян обиженно спрятался под диваном. Он у меня интроверт.

– Подожди, сейчас пальто сниму, и что-нибудь придумаем. – Тихо говорю, топаю мокрыми носками по линолеуму.

– Например?

Одно слово, но сколько в нем заложено смысла...

Недовольно вздыхаю, натягиваю петельку от пальто на вешалку. Хлопаю себя по бедрам, потираю ладони, а Марат несокрушимой скалой стоит напротив. Не нравится мне вот этот пристальный лукавый взгляд. Таким взглядом не смотрят на девушку, с которой хотят просто “попить чаю и повспоминать прошлое”.

Возможно, я себя накручиваю.

– Нужно обработать раны, Марат. Кот у меня здоровый и даже не блохастый, но мало ли...

В узком коридоре суечусь влево-вправо, Марат делает то же самое, пока тисками не обхватывает мои предплечья.

– Промокла, Белоснежка. Надень сухое.

Смотрю на него снизу вверх, на рефлексах киваю, протискиваюсь в узкий зазор между стеной и Райнером. Достая из комода майку и шорты. Марату ничего не могу предложить, кроме пледа. Сначала вешаю на батарею его футболку, потом джинсовку. После на цыпочках бегу в ванну, запираюсь на крохотный замочек.

Я вижу свое отражение в зеркале, но лучше бы не видела. Я выгляжу как Панда для плохого человека. Есть милые мишки панды, ими любят хорошие люди. А есть вроде меня – с размазанной тушью и бровями. Такими страшилками могут еще детей пугать, чтобы не пакостили. А я в таком виде и с Маратом любезничала, и в автобусе ехала.

Смачиваю ватный диск лосьоном, пытаюсь сделать хоть что-то. Тороплюсь. Заново делаю макияж. Брови почти ровными получились. Расчесываю волосы, собираю в балетную шишку. Начну феном сушить, Марат сразу догадается, что для него стараюсь, еще и смеяться будет.

Я слышу свист чайника на плите. Райнер явно чувствует себя как дома. Звон фарфоровых чашек. Хлопок дверцы холодильника. Надо бы выходить, а я

волнуюсь. Настраиваюсь, дышу пранаямой, медленно открываю дверь.

Квартирка маленькая, и я тут же попадаю в поле зрения Райнера, отказавшегося от моего ворсистого пледа. Сидящего на стуле в кухне. Жующего мой салат “Мимоза”.

– Вкусно готовишь, Марусь.

– Да это так, ерунда.

– Давно не ел подобного, аж детство вспомнил.

Ой, застеснялась что-то. Доброе слово, оно ведь и Кошкиной приятно.

Усаживаюсь напротив, а заботливый Райнер уже наполнил мне чашку кипятком. Беру ложку, кладу в нее мед, перемешиваю. Тишина. Стукаю ложкой о края сильнее, быстрее. Напрягаюсь.

– Перестань, – ладонью останавливает меня Райнер.

А я снова как на иголках. Остро мне. Жарко. Ногтем ковыряю голубенькую клеенку.

– Ну... расскажи о себе, что ли. Кем по жизни приходишься? Как на личном?

Не выдерживаю общество Марата, встаю. Тянусь к верхнему шкафчику, достаю аптечку.

– Автомобильный бизнес.

– Таксистом работаешь? Да?

– Эм... Да... Белоснежка.

– Учиться надо было хорошо, Марат. “Хвосты” закрывать. Глядишь, в фирму юристом каким-нибудь устроился бы.

– И где же ты была раньше со своими советами?

Роняю аптечку на столешницу, трясущимися пальцами открываю молнию. Бессмысленно копошусь – не могу успокоиться.

– Невесту любишь, да? Симпатичная, наверное, раз жениться собрался. Да?

– Ты все равно красивее, Белоснежка. А Грэсия у меня испанка. Знаешь, мы с ней давно...

– Ясненько! – перебиваю, громко стучу кулаком.

Морально я оказалась не готова выслушивать рассказ о личной жизни Райнера. Грэсия. Тоже мне. Испанка. И этот хорош. Мог бы тактично уйти от вопроса.

Я хотела достать перекись, но беру йод. Месть всегда подается холодной, а в моем случае гореть будет. Я смачиваю бинт раствором и с серьезной физиономией разворачиваюсь к Марату.

– Клади руки на стол, – говорю.

– Ммм... Белоснежка. Где твоя ласка? Чего так давишь?

– Заразу всю надо выжечь. Терпи, Марат.

– Может, подуешь?

– Обойдешься.

Категорически мотаю головой. Райнер резко дергает меня за локоть, вынуждая встать к нему ближе.

Марат

И как бы закодироваться мне от Кошкиной? Таблетку, что ли, какую выпить?

Забуть ее серые, слегка воспаленные глаза. Красотка Кошкина теперь линзы носит. Определенно. А я помню ее на первом курсе в институте в толстенных минусовых очках в черной оправе. И волосы помню: непременно две косички – темные веревочки, а не локоны, как сейчас, светлые, пушистые. И зад. Семь на восемь – восемь на семь. У Маши был лишний вес. И лицо всегда недовольное. Не по годам серьезное..

Староста Маша Кошкина первая бежала “стучать” на сокурсников за прогулы. Со своим блокнотиком в пухленьких ручках. Нелюдимая, но ответственная. Она носила один и тот же свитер под цвет ее глаз. Благосклонно давала мне списывать и не забывала прочесть мораль о правильном поведении.

А у меня сейчас вырисовывается когнитивный диссонанс в голове. И кажется, что меня, мягко сказать, обманывают. Эволюция Кошкиной никак не хочет вписываться в шаблон моего восприятия. Штампа.

В институте мы практически не общались. Не до нее было. Вокруг порхали девчонки поинтереснее. Не только сокурсницы, но и старше. Да и проучился я там всего-то один год. Пока сущность моя непокорная не схлестнулась с принципиальной сущностью Виктора Михайловича – преподавателя по теории государства и права.

Он говорил, что шиш мне, а не зачет. И чтобы я уже начинал потихоньку натирать кирзачи. Как в ногу шагать репетировал. Что такому балбесу не место на юридическом. И предложил попробовать себя в качестве торговца помидорами.

А я и попробовал. Не сразу, конечно, позже.

Торговца, но не помидорами. Сначала пришлось скоренько забрать документы и перевестись в другой институт на другой факультет. Заочно. И Кошкина не знает о моем красном дипломе. О том, что учиться надо хорошо, и без Кошкиной понятно. Главное – найти свою стезю, а дальше – по накатанной.

Маруся не знает, что я перепродавал подержанные авто во время учебы. Устроился в автосалон на подработку. С низов шерстил, изучал автомобильные

хитрости.. Что, куда, зачем и далее. Много всего было за долгие десять лет. Сложно было.

Однако у меня теперь сеть автосалонов по стране, франшиза и сотрудничество с одной известной компанией по производству немецких авто. Живу я в Испании, сюда приезжаю по работе. А не наоборот, как все думают.

Хотя Маруся считает меня таксистом. Весело, не суть.

Я не хваюсь и не привык кичиться своим положением. В определенных кругах моя личность популярна, космически далеких от реалии Кошкиной. Я снова и снова возвращаюсь в Россию и сразу спешу к своей названной сестре – Лизавете. В одном дворе выросли, в одни ясли ходили.

И да, мое финансовое состояние единственное, о чем не в курсе Лиза. Не то чтобы я жлоб и боялся за свои пару золотых. Просто когда люди узнают о социальном статусе, у них резко меняется восприятие меня как личности. Сразу говорить начинают как-то официально, подбирая фразы, смотреть глазами большими... А я так не хочу.

Хочу, чтоб обычно все было, как в прошлом. Здесь я разгуливаю без пиджака и галстука, как обычный парень Марат, свой в доску.

Аккуратно сжимаю ее тонкую руку. Беленькую. Ледяную совсем, нежную. Сглатываю, не в силах отвести взгляда от Маруси. От милого, строгого лица, точно как в институте.

– Это что еще за шуточки, Райнер? Нетушки, второй раз со мной твой номер не пройдет!

Вырывается, вырывается дикая Кошкина, а я держу. Маруся с размаха ударяет ладонью мне по плечу. Хлестко, до жжения. Приятно. Обхватываю двумя руками ее под коленки, чтоб не сбежала.

– Марусь...

– Ну!

– Я завтра улетаю в Испанию.

И видит бог, как я не хочу туда возвращаться. Будто перемкнуло. Шестеренки в голове закрутились в обратном направлении. Безумие, но я не могу отказаться от Кошкиной. А так нельзя. У меня девушка.

Иная реальность, параллельная Вселенная. За годы слаженная. До тошноты привычная. Отец Грэсии – весьма уважаемый и авторитетный человек. Подмял под себя половину Мадрида. Дон Лоренсео. Зажратый будущий свекр со своими винодельнями.

И невеста – Грэсия Бланко-де-Кастро. Ценная золотая роза, выращенная в изумрудном саду влиятельного папашки. Страстная брюнетка поуши влюблена в меня. Живет в огромном замке и называет Марсело. И все было хорошо да ладненько, пока я не увидел Марусю. Белоснежку мою маленькую. В кухне у Лизки с тряпочкой в руках. Аж под дых долбануло. До чего хорошенькая.

А сейчас Маруся всхлипывает тихо. Чтобы я не услышал. Запрокидывает голову и замирает.

– Так ты же таксист, Райнер. Какая, к черту, Испания? Я думала, сюда ненаглядную свою перевез.

– В Испании таксистом работаю, – вру и глазом не моргаю.

Я понимаю свой негодяйский поступок. Я поступил некрасиво. Но ничего поделать с собой не мог. Это как на экстремальных горках покататься. До дрожи, до хрипа гортанного и лишь бы с ней. С Белоснежкой.

Но у меня другая жизнь. Сложно объяснить, и эта самая жизнь, будто корнями опутана, навечно прикована к величественному роду де Кастро. У меня в Испании всё. Здесь только Лизка, не считая автосалонов. Но их контролируют замы, я появляюсь изредка. Отвык уже полностью.

– Ну и вали. Вали, да поскорее, Марат. Чего держишь? Зачем щекочешь?

– Насладиться тобой хочу, Белоснежка...

Мои руки так и сжимают плотным кольцом трясущуюся Машу. Девчонка упирается, словно гимнастка изловчается, выскальзывая прочь из объятий. Раскраснелась, тяжело сопит. Молнией летит к батарее, стягивает мои шмотки, сминает в комок и кидает.

– Ах ты, бесовестный! Гляди-ка! Насладиться он захотел! Пошел вон, слышишь?! Убирайся отсюда, пока Касьяна на тебя не натравила!

– Да подожди, послушай...

Пытаюсь успокоить буйную Кошкину. Зря. Ее гнев еще сильнее, теперь разбавился бранью. Мне жалко ее. И я полностью отдаю себе отчет в содеянном.

Глава 4

Мария

– Касьян! Касьян, фас! Тут территорию твою пометить изволили!

И вот так новости. Возмущение мое не знает пределов. В Испанию он собрался! К невесте! Насладиться он захотел напоследок!

Бегу к дивану, становлюсь за велюровую спинку. Метаюсь взглядом по комнате. На черный город, сервант с хрусталем и на Райнера. До дрожи смазливый. С телом, как из журнальчиков, которые мы пролистываем с Лизкой и, краснея, не верим – мол, не бывает таких рельефных мышц, идеально очерченных. Редакторы нас разводят, фотошопом своим орудуют.

Ан нет, все же бывает. Марат надевает футболку, а я жмусь к подоконнику. Мужчина хочет подойти ближе, а я хватаюсь за герань. Вонючую. Мной лично посаженную в пластиковое ведерко из-под майонеза. Для улучшения интерьера. Касьян почти все листочки уже обгрыз. И я замахиwaюсь ею, угрожаю. Не пожалею цветка, все равно пересадить его надо.. Горшок как раз нормальный куплю.

– Марусь...

– Не Маруськай тут мне! Уходи, уходи Райнер. Наша встреча была ошибкой.

– Только встреча?

И я снова вспыхиваю. А в мыслях всплывают обрывки воспоминаний и слова Марата.. До мурашек желанные руки и глаза. Мною любимые с первого дня в институте и до сих пор.

– Да провалиться мне в туалет дачный, чем еще раз оказаться рядом! На одном поле с тобой не сяду! Уходи, Марат, по-хорошему говорю, не вынуждай цветок портить.

А Райнер будто в мгновение потух.. Совсем почернел, как город за холодным оконным стеклом.

– Ладно, Белоснежка.

Райнер накидывает куртку, мрачным тайфуном летит в прихожую. Там задерживается, чтобы обуться, а Касьян выбегает, чтобы с ним расправиться. Кот дождался удобной позиции. Кусает за ногу Марата через плотную ткань джинсов.

Марат терпит, а после спокойно отталкивает разъяренного Касьяна, щелкает замком входной двери.

И я замираю. Больно-то как, мамочки... Без анестезии режет, на куски раздирает мое сердце Марат Райнер.

Он выходит в подъезд, и я не выдерживаю, бегу следом. С пинка распахиваю дверь.

– Марат!

Задыхаюсь, голосом останавливаю на последней ступеньке.

– Белоснежка?

Судьба предначертана. Чему быть, того не миновать. Так пишут в духовных книжках.

– На вот! Пожуй. И забудь меня, жалкий таксистика. И гвоздя тебе и жезла!

Целюсь в стену, но так, чтобы земля из ведерка попала на Райнера. Не раздумываю, кидаю цветок и тут же прыжком захожу обратно. Громко захлопываю дверь, щелкаю замком. А сама ухом к нему прижимаюсь. Плохо слышно. Внутреннее биение заглушает все шорохи снаружи.

А может, Райнер разозлится? Кулаком начнет стучать в мою дверь? И тогда я ему отвечу. Не слово и не два. Уже придумала речь.

Но Райнер просто выходит из подъезда.

И этот выход как пушечное ядро, что выпустил наглый обманщик Райнер. Аккурат по розовым стенам моего замка. С ванильными крышами и разноцветными звездочками для антуража. В хлам разрушил, не пощадил.

Да и сложно его ругать, ведь Марат ничего не обещал, по сути. Нежно лаская, беспорядочно осыпая поцелуями. Не предлагал ни руки, ни сердца. Управляя в своих сильных объятьях, как податливой марионеткой. Только уничтожал, в прах превращал мою душу. Заставлял гореть тело...

Задыхаюсь. Сползаю по двери на пол, а Касьян ластится. Тычет своим мокрым носом, урчит. Впервые в жизни меня раздражает. И гладить его совершенно не хочется. Но Касьяну об этом знать необязательно.

На четвереньках ползу в кухню. Дурно мне, тоскливо. Встаю на колени, хватаюсь ладошками за тумбу, подтягиваюсь. Немалых усилий стоило подняться на ноги. Взять стакан, налить из маленького фильтра воды. Жадно пить, чуть не захлебываясь.

Слышу стук в окно.

Не удивляюсь. Мне уже стучали так. Шутники. Они, наверное, испытывают некий азарт, когда посреди ночи тарабанят, а после убегают. Так дерзко. Запретно. Противозаконно.

А вот сейчас в комнату стучать будут. Научена уже, знаю.

Резко возвращаю стакан на столешницу. Выключаю свет в квартире. Топаю пятками по линолеуму. Первый этаж, могу себе позволить пошуметь. В кухне у меня решетка, а в комнате нет.

И я иду на опережение, со скрежетом дергаю деревянную створку окна. Пожелтевшая краска осыпается на подоконник. Пыльно внутри, мушки дохлые валяются. Обязательно протру, когда станет теплее.

Не сразу удастся открыть вторую, но я не сдаюсь. Пыхчу, толкаю. А нутро стягивается горькой обидой на Райнера. Противный скрип режет слух. Ночной воздух задевает обнаженные плечи.

– Белоснежка.

Это уже слишком. Я снова вижу Марата. И как найти слова, чтобы описать свои чувства? Всхлипываю. Я больше не могу сдержать слез, они вырываются, как бурный поток, стекают по щекам, задерживаются на подбородке и... горячими каплями падают на руки Райнера. Марат высокий, и мой первый этаж для него не преграда. Мужчина подходит ближе, опирается на подоконник. Смотрит мне в глаза, а кажется, будто в душу заглядывает.

– Эх... забрать бы тебя, Белоснежка. Увезти далеко-далеко. Затискать, любить тебя нежно. Но можно и жестче.

Улыбается. До искр. До электрического импульса под двести двадцать. Аж передернуло всю. И Марат это заметил.

– Клиентов своих забирай и молись, чтобы чаевых оставили побольше. Двоечник!

Он обхватывает мои запястья и заставляет склониться.– У тебя невеста, Марат, так нельзя.

– Знаю. Марусь, я прекрасно знаю. А поделаться с собой ничего не могу...

Ох. И лучше б не говорил. Не добивал меня окончательно.

Десять лет я ждала этих слов, работала над собой, стремилась понравиться Райнеру, что полностью стал хозяином моих мыслей. Я не видела его, не пыталась найти. Просто жила в глупых мечтах.

И дождалась ведь. Seriously. Я в здравом уме и полностью адекватна.

Я не хотела найти себе жениха побогаче, но за мной ухаживали достойные мужчины. И продолжают по сей день. А я не отвечаю взаимностью. Ведь даже самый драгоценный алмаз меркнет на фоне наглых сияющих глаз Марата Райнера. Простого водителя. Бабника. Вруна и предателя.

– Возвращайся в Испанию, Марат...

Тихо шепчу я и отталкиваюсь. Захлопываю перед носом Райнера створку. Сейчас бы поплакать и попроклинать судьбу, сжавшись клубком в углу комнаты. Но нет. Я возвращаюсь в кухню, беру совок с веничком, обуваю резиновые шлепанцы и иду убирать подъезд – не хватало еще от бабушек-соседок порцию осуждения получить. Завтра поплачу. А Лизка утешит.

За дверью моей квартиры горит скудный свет лампочки, а в воздухе воцаряется звенящая тишина. Собираю мусор с плитки, на улицу не выношу – вдруг там Райнер? В дом несу, все до последней крошечки.

Многострадальную герань ставлю в банку с водой. Только к полуночи обессилено падаю на диван, засовываю под пледик себя. Он до сих пор пахнет одеколоном Марата. Вкусно-то как... Принимаюсь, подтягиваю ткань ближе к лицу, смотрю в стенку напротив. Инсомния.

Завидую мирному Касьяну, развалившемуся посреди комнаты. Классно ему. Шел, шел, упал и уснул. И сердце у него не болит от запретной любви к кошке. Не то что у Кошкиной – все нутро девчачье ноет.. Остается лежать на диване и сжимать в кулаках краешек тряпки.

Последнее, что помню – как серый рассвет пробивался сквозь тучи, а дальше не замечаю как, наконец, успокаиваюсь. Засыпаю.

Но расслабиться недолго удастся. Только закрываю глаза – слышу ор Касьяна. Кот недоволен. Уже девять утра, а миска блестит. И корма премиум класса в ней нет. Красиво жить не запретишь, я на питании Касьяна не экономлю.

Лениво открываю глаза, первые три секунды мне хорошо, пока снова не вспоминаю Райнера. Продрогла, даже постель не разбирала и не умывалась. Только линзы сняла, но это уже на автомате. Помню, один раз не сняла, потом крепко пожалела. Неделью с кровавыми глазами разгуливала, даже никакие капли не помогали.

Пошатываясь, медленно встаю, накидываю вязаный кардиган вместо халата. Растянут немного, а выкинуть жалко. Чисто для домашней повседневки. Шаркаю ногами в кухню, кормлю кота и по привычке в окошко смотрю.

Какого черта?!..

Вижу за решеткой снаружи букет.

И на секунду не сомневаюсь, от кого он. Ох, Марат, что же ты со мной делаешь...

Не то чтобы я дикая и цветов никогда не получала. Мне дарили и розы, и лилии. А вот орхидеи. Белые. И не веточку, а охапку... впервые.

Подкрадываюсь ближе, выглядываю по сторонам – никого. Только-только принес ведь. На улице март, а подарочек свежий совсем. Не подмерз. Да, мне приятно. В какой-то степени восхитительно. И выкидывать букет я не собираюсь. Цветы ни в чем не виноваты. Ставлю охапку в банку по соседству с геранью. После иду в душ.

Смываю с тела остатки энергетики Райнера, чищу зубы. Мои глаза так опухли от слез, что сейчас похожи на щелочки. Клею патчи, которые совершенно не помогают, но так морально становится легче. Кончиком пальца поддеваю из специального контейнера линзы. Моргаю-моргаю.

Еще минут сорок я слоняюсь по дому, выпила уже две чашки кофе. От безделья утюгом разгладила светло-бежевый костюм, купленный для “особых” случаев. Хотя так ни разу и не надела его, не было в моей жизни праздников. А сейчас усаживаюсь на диван, чтобы хоть как-то изгнать из мыслей Марата, принимаюсь ковырять щипчиками кутикулу.

Наденька из второго подъезда ругаться на меня будет за самостоятельность. Она моя любимая мастерица маникюра, подрабатывающая в декрете.

Кто ходит в гости по утрам, тот поступает немудро. Уверю вас. Но если я останусь в одиночестве еще минут на двадцать, то начну сама себе подстригать челку, пытаюсь отвлечься! А это полный мрак, реквием по моей внешности...

Побросав все, тороплюсь, будто от моего выхода зависит судьба человечества. Открываю ящик комода, достаю спортивные штаны, толстовку. Наспех подкрашиваю ресницы, собираю волосы в тугий хвост. Накидываю сверху куртку.. Я поеду к Лизке, а ей все равно как одета.

Вылетаю в подъезд, спускаюсь по ступенькам. На улице сегодня на удивление солнечно. Сказала бы даже – жарко. Не по погоде оделась. Пересекаю двор и иду сразу к остановке. Еще так рано, но маленький участок для ожидания автобуса уже успели заплевать самцы. Не знаю, зачем так делают мужчины, но смею предположить, что этим способом они обозначают свою территорию на асфальте. Маневрирую мимо харчков, сажусь в маршрутку.

– За проезд передайте, пожалуйста, – обращаюсь к какой-то девушке и протягиваю в ладошке ей мелочь е, а она следующей девушке

Цепочка движений перетекает к водителю. Ёрзаю на сиденье. Неудобно. Коленки упираются в кресло спереди. Еще этот Райнер в мыслях со своими поцелуями. Пальцем очищаю на грязном стекле кусочек, подсматриваю и контролирую маршрут..

– На Транзитной сделайте остановку! – громко озвучиваю требование. В отличие от Райнера, дискомфорта от поездки в транспорте не испытываю и чувствую себя в маршрутке как рыба в воде.

Протискиваюсь сквозь толпу. На улице наслаждаюсь свободой. По традиции сначала заглядываю в маленький кондитерский ларек, после огибаю кирпичную многоэтажку – за ней стоит дом Лизки.

Набираю нужный код на замке подъезда. Любой дурак его узнает – четыре кнопки потерты, остальные как новенькие. Поднимаюсь на третий этаж аккуратно, стараясь не растряссти коробку с пирожными.

Восьмого Марта плакала Лизка, а сегодня это буду делать я. И очень странно, почему подруга не рассказала о наличии брата. Хотя разговор на тему родственников у нас никогда и не заходил.

Стучу по двери ритмом “раз-раз, выходи со мной на связь”.

– О! – вместо приветствия междометит Лиза.

Она недавно поднялась с кровати – еще в пижаме и лохматая. С порога падать в ее объятия и жаловаться на судьбу не хочу – еще будет время для этого. Шагаю внутрь.

– Ставь чайник, совет твой нужен. – Лизка молча кивает и топает в кухню, а я продолжаю: – Жарко на улице, капец! Аж вспотела вся. Подруга, открывай окна, пока я ботинки свои не сняла!

И да, они у меня не воняют. Это шуточки у нас такие. Лизка и похуже завернуть может.

– Кошкина, ну так носки стирать надо, а не на батарее сушить! – поддерживает дружескую перепалку, пока я развязываю шнурки.

– Лиз, я узнать у тебя хотела о Марате. Ничего не подумай, просто ты никогда не говорила о нем.

– А что говорить? Офигенский мужик, только занятой очень. Его явление как праздник, Маш. Надежней друга, брата нигде не отыщешь. И кстати, почему сбежала позавчера? Марата одного оставила. Некрасиво! – гремит чашками Лизка и кричит из-за стены.

Узнаешь еще, погоди, куртку только на пуфик скину и разуюсь.

Лизкина прихожая – обитель ненужного хлама. Плюшкин в юбке, раздери ее черти. Запинаюсь, чуть не падаю, подтягиваю штаны и вразвалочку иду в кухню. Останавливаюсь в проеме двери.

Обомлев от неожиданности замечаю человека, одетого в черный спортивный костюм на рельефном теле. Он отлично подходит под цвет волос мужчины. Марат сидит за столом, вальяжно раскинув ноги.

– А ты почему в Испанию не улетел? – шепчу на выдохе.

Забываю обо всем, тарашусь на Райнера, ладошкой давлю себе в грудь от волнения.

– Дела появились. Нежданные. Я не смог от них отказаться...

И я понимаю, о чем он говорит. О ком. Не знаю, что хуже, видеть снова обманщика-Марата или осознавать громкий выкрик о моих ботинках.

– ...Белоснежка, я форточку открыл, ага, – смеется Райнер.

Вспыхиваю с ног до головы и обратно. Лизка – божий одуванчик – наполняет мне кружку кипятком, бросает пакетик заварки и приглашает меня к столу позавтракать с ними.

Мычу вместо ответа. Тело сковывает в лихорадке. Коряво разворачиваюсь, бегу обратно в прихожую, запрыгиваю в ботинки, и не зашнуровывая, хватаю курточку. Задыхаюсь, лечу по ступеням.

– Стоять!

Слышу шаги за спиной. Совсем близко. Визжу, будто за мной маньяк гонится, а не Райнер. Слева от Лизкиного дома подобие сквера с лавочками. Несусь к березкам, теряю не зашнурованные ботинки. Скольжу носками по сырой земле, бегу к дереву и прячусь за белый ствол. Марат настигает быстрее, чем я успела подумать....

– Давай поговорим, Белоснежка.

Он впопыхах прижимает меня к дереву. Упирается ручищами по обе стороны для надежности, не хочет, чтобы я сбежала. Я снова слышу этот дурмнящий аромат его одеколона.. Так сладко пахнет только Марат. Святые кавалеры...

– Послушаю тебя, Марат. Но какой в этом смысл?

– Я не хочу жениться на Грэсии. И возвращаться в Испанию тоже. Но мне придется это сделать, я должен найти слова для объяснений с невестой и ее родственниками.

– С чего бы вдруг?

– Ты мне нравишься. В душу запала, Белоснежка. Писец какая хорошенькая... И я не могу от тебя отказаться.

Закрываю глаза. Невыносимо. Пропускаю три удара сердца, крепко обхватываю Райнера за талию. Еще крепче прижимаюсь щекой к распаленной груди. Я слышу каждый его вдох.. И так мне становится хорошо, что даже страшно.

Глава 5

– С первого взгляда влюбился, что ли? – робко интересуюсь...

Мне двадцать восемь лет, а я до сих пор не потеряла веру в людей... В животе словно бабочки. Они приятно щекочут, порхают в розовой дымке. Не разочароваться бы только от своей веры...

– Сложно объяснить. Такие чувства появляются внезапно и ломают, напрочь сшибают рассудок. Мой точно. Поэтому здравой логики здесь не ищи.

И отстраняюсь, немного совсем, так чтобы видеть сияющие глаза Райнера. Упираюсь ладонками в его широкую грудь. Трясусь вся. Романтично мне.

– А может, в кино сходим? В прокат вышел новый фильм “Сорок девять оттенков красного”. Давно посмотреть хотела, да все компании не было...

Марат кивает и опускает взгляд на мои носки, испачканные грязью.. Покачивая головой, идет на поиски утерянных ботинок, а я плетусь к лавочке.

– На вот, бегунья. Марусь, а что ты делаешь? Не порти обувь. Выкинь в мусорку ты эти носки. Все равно на батарее их сушишь.

– Я вообще-то пошутила, Райнер. Не веришь? Не веришь мне? Возьми понюхай. Они свежие.

– Позволь отказаться.

А я размахиваю на полном серьезе ярко-желтым носком в надежде доказать свою правоту. Марату быстро надоедает сия манипуляция. Он выхватывает один, присаживается на корточки, следом стягивает второй и запускает их точно в урну.

Ох. Сам Марат Райнер берет меня за щиколотку и надевает ботиночек, потом второй. Длинными пальцами завязывает шнурки, словно Кошкиной три годика, и она не умеет сама. Но это чертовски мило. Ни одно бриллиантовое кольцо не сравнится с заботой теплых рук возлюбленного мужчины.

– Идем? – подает мне руку.

И я резво подскакиваю, будто надеюсь на чудеса. . Через пару шагов Райнер хлопает себя по карманам.

– Подожди, Белоснежка. Я быстро вернусь к Лизке, бумажник заберу.

– Нет!

Глупая я женщина. Марат сегодня подарил мне орхидеи, роскошный букет. А он не тысячу стоит и даже не две. Уши стыдливо краснеют, и я догадываюсь, что, наверное, Марат хочет перезанять у подруги денег. Он же простой таксист.

Нужно спасать ситуацию:

– Я передумала. Давай лучше голубей покормим.

– Серьезно?

Приподнимает бровь, морщит нос. Киваю. Прибавляю скорости, утягиваю за собой Марата к хлебному ларьку. Наклоняюсь, говорю в маленькое окошко:

– Батон “Домашний”, пожалуйста, – и сыпаю в пластиковую миску рубли без сдачи.

На деревянной лавке в сквере пыльно, дворник еще не успел убрать весь мусор. Но такой моментик совершенно не портит мое настроение.

– Гули-гули, блин... Марусь, а ты уверена, что именно этим заниматься хочешь?

Райнер недоволен. Он не присел со мной рядом, а высокой горой стоит напротив. Он говорит слишком грязно. Держит в руках хлеб и бездумно кидает крошки.

– Уверена. Только посмотри, какие они красивые. Курлыкают. Ладонку выстави, и угощение в нее положи. Птичка сама сядет.

– Нет. Эх, сейчас бы в Альпы... Марусь, вот представь, что я очень богат. И могу позволить себе всё. Ты бы по-прежнему относилась ко мне так же? Ругалась, искренне шутила, не подбирая слов?

– Глупости говоришь. Миллионеры – надменные жлобы. У них нет души, одни деньги на уме. Нас и здесь неплохо кормят. Да, голубь?..

Перевожу взгляд на птицу. Наглую городскую попрошайку. Мне бы такую наглость. Хоть половину. Райнер снова недовольно вздыхает, желает быстрее избавиться от хлеба. Скучно ему, видите ли.

– ...Марат, а почему ты всегда темные очки носишь? Скрываешься от кого-то? Или так, тайным агентом себя ощущаешь?

Разбавляю неловкую паузу шуточкой. Мне кажется – смешно, Марату не очень.

Он отмалчивается, а потом переводит общение на финансы. На полном серьезе интересуется моим мнением по поводу зажиточных бояр. Я всегда знала, что таксисты готовы поддержать разговор на любую тему, но офшоры, инвестиции и экспорт для меня как иностранное наречие. И совсем не интересно.

Райнер – всего лишь водитель, однако харизма и вот эта самая подача немножко настораживает. В нем словно две души. И первая мне хорошо знакома.

Внезапно беспринципный голубь гадит на кроссовки Райнера. И терпение Марата иссякает до последней капельки.

– !!!

– Ну что ты ругаешься? Голубь не специально. Видишь, за тем деревом сугроб не растаял? Иди, пошвыркай в нем ботинком и прости птичку! – говорю, еле сдерживая улыбку. – Марат, только внимательнее будь, на травке еще “гадов-собак” выгуливают.

Когда Марат уходит, краем глаза замечаю еще одну темную фигуру. Крадущуюся. По лакированным туфлям и пиджаку, купленному в нашем магазинчике, сразу узнаю Глеба.

– Детка, ты сегодня не на стиле? Но я все равно рад тебя видеть.

– Отстань.

Глеб Абрамович... Элита местных вершин и папочкин сыночек в одном лице. На два года младше меня. Ходячая сливка общества, сорящая деньгами. .. Он, моя ошибка прошлого. Знала бы его сущность, сроду знакомиться не стала, по ресторанчикам пафосным ходить, розы охапками принимать. Общаться с его друзьями-мажорчиками, которые смотрели на меня как на грязь. Ничего близкого между нами не было, и Глеба это не устраивает. Я пыталась от него отвязаться, но как видите...

– Крыс городских подкармливаешь? Машенька, может, хватит обижаться? Да – я неправ, да – бросил тебя в лесополосе за городом. Но ты сама виновата, я мужчина, и меня нельзя просто так отшивать. Автопати еще не закончено. Прыгай в тачку, поехали покайфуем. М?

Мужчина. Три ха-ха ему в глаз. Лучше покататься на велосипедах с медведями, а не в роскошном авто Глеба.

– Я не одна.

Успеваю ответить до того, как возвращается Марат. Райнер становится между нами так, чтобы закрыть меня от наглых глаз Абрамовича. Тут жедвигаюсь вправо – я должна видеть все. Наблюдаю за мужчинами и ловлю себя на ощущении какого-то испанского стыда. Не за Марата, а за Абрамовича. Спесивый сынок владельца меховых бутиков... Ах! Никогда не любила шубы ни соболиные, ни норковые, в разных моделях предложенные Глебом. Он навязчиво подсовывал мне их, а я так и не взяла. Зверушек жалко.

Мне стыдно за Абрамовича, ведь у парня главным развлечением после кутежа идет подавление. Уничтожение значимости и достоинств людей, которые намного ниже социального ранга Глеба. Куда уж нам до элитных вершин?..

Мажорчик брезгливо оглядывает Райнера с головы до ног. Две секунды тушуетсся от сопоставления своих щуплых данных и спортивного тела Райнера. Однако власть и деньги прибавляют уверенности.

– С этим? Фак, Машенька, детка. Не скатывайся до подстилки для нищих. Ты сидишь в парке, детка. Посреди шлака и мусора. Адекватная, вообще, нет?!

Провалиться сквозь землю мне и больше не возвращаться. Когда Глеб говорил слово “мусор”, явно дал понять, что имеет в виду не фантики от конфет и шкурки от семечек. Он намекал на Райнера. И зачем я только потащила Марата сюда?

А Марат спокоен. И я завидую его спокойствию как никогда прежде.

Райнер тихо смеется над Глебом. Издевательски как-то, с подколом. Он расправляет плечи и лютой тучей нависает над Глебом. Ох, Абрамович, только не пропусти первый раскат грома. Райнер ничего не говорит, но от его энергетики даже у меня начинается колоть в подреберье. Мой нищий таксист медленно снимает солнцезащитные очки. На полшага подходит к Глебу.

Реакция мажорчика для меня странная – Глеб не матерится, как обычно, баллончик перцовый не достает. Он смотрит на Райнера как на что-то нереальное. Не существующее в природе.

На идеально выбритых щеках Глеба заблестела испарина, мгновение – и его лицо перенимает оттенок почти растаявшего снега. Бледно-серого.

Марат

– Ты... простите, вы... Да быть такого не может!

И так всегда. А сейчас глаза выпучит еще сильнее... Ну говорю же! Парень пошатывается, топчется с ноги на ногу. Я понятия не имею, кто он, однако по часам могу точно определить, что достаточек какой-никакой имеет. Явно в теме, раз сразу узнал меня.

– Марат, видите авто красное? В вашем салоне брал. Офигеть! Можно сфотографироваться? А то не поверят...

– Нет, замолчи, – перебиваю, чтобы не сболтнул лишнего.

Маруся вся во внимании. Ушки свои красивые наострила и ждет.

Местный селебрити опять удивляется, ему сложно до конца осознать, что сам Марат Райнер – успешный бизнесмен, сияющий на первых страницах журнала “Ворбс” – сейчас в парке. Голубей батоном кормит. В компании милой Белоснежки – для меня, простенькой торгашки – для селебрити напротив.

– А вот она, – кивает в сторону Кошкиной, – ваша Маша?

– Сечёшь. Подстилка для нищих. Верно?

Мой холодный тон заставляет парня дрожать.. Очень я хочу двинуть ему в торец, да нельзя. Скандалы мне сейчас не нужны. Но кулак зудит. Прямо выпрашивает. Замахиваюсь.

– Извините, Марат Аронович! Ох, фантастика! Побьете меня? Давайте, это будет сенсация!

– Иди отсюда.

Опускаю руку. Ненормальный. Не нравится он мне. Слизняк. Такой же скользкий.

Визави восторженно матерится, шагает к своей машинке. И я уже вижу, как новость о прибытии Райнера разлетается по тихому городку. Как же не хотелось огласки...

– Марат, а это что было? – шепчет Белоснежка из-за моей спины.

– Не бери в голову.

На ощупь ищу талию Маруси. Взглядом провожаю фигуру в дорогом пиджаке. Подерите его черти.

– Как это “не бери в голову”, Райнер? Он смотрел на тебя как преподобное божество. Ты что-то скрываешь, да? В глаза мне смотри! Снова обманываешь?

Строжится, строжится Кошкина. С лицом ангела и духом революционерки. Она снова хочет поругаться, но не успевает.

Мои губы идут в атаку первые. Захватываю ее в чувственный плен. Сладкая моя девочка. На вкус как зефир.. И ротик сладкий. Я снова голоден ею до бешенства. Вокруг нас грязный сквер и люди. Только это меня и останавливает. Но я целую с запалом, не стесняюсь. Очерчиваю каждый миллиметр нежных губ. Наслаждаюсь теплым дыханием. Маруся обмякает в моих объятьях и становится похожа на сахарную вату. Обожаю ее пушистые светлые локоны. Снова порчу прическу

Кошкиной. Прижимаю к себе сильнее, как талисман на удачу. Носом утыкаюсь в ее макушку.

– Он больше к тебе не подойдет и не притронется. Все хорошо.

Но Марусе плевать на домогателя.

– В тебе две души, Райнер. Я права?

– Да.

– Раскрой мне вторую.

– Еще не время.

И к черту голубей. Наглых гадильщиков. Мы возвращаемся к дому Лизки, а Маруся до сих пор на романтизме. Я открываю подъездную дверь с обшарпанной краской, пропускаю Белоснежку вперед. Она красиво идет спереди по ступеням. Мне нравится вид. Лишь на третьем этаже обгоняю, чтоб не терять образ галантного мужчины. Первую запускаю в квартиру Марусю. Лизка, как всегда, не запирает дверь.

– О! Настиг все-таки? А что так долго?

Названная сестра уже нарядная. Застегивает пуговицу на джинсах с яркой вышивкой, радуется курткой от кутюрье, что я подарил, срезав бирки. И Лизка не догадывается о бренде. Эксплуатирует вещичку в хвост и в гриву.

– Так, прогулялись немного. Город посмотрели.

– Город они смотрели. Могли и меня с собой взять. А сегодня, вообще-то, ярмарка приезжает. На Победной площади будут пляски. Блины стряпать. Конкурсы! Поедем? Я собралась.

Ну нет. Белоснежка, пожалуйста. Ответь, что устала. Кот соскучился. На работу вызвали перебирать рубашки слева направо.

К сожалению....

Моя Марусенька с эндорфином в крови только за! Быстро кивает и улыбается.

Раз госпожа Кошкина выразила желание, придется тащиться. Но я хотел вечером пригласить ее в ресторан. Но...зная Лизку как облупленную.... Если к полуночи разойдемся – уже хорошо.

– Поедем. Лиз, принеси бумажник из кухни.

Достаю телефон из кармана, вызываю такси. Не хочу трясти девчонок в автобусе. Кошкина замечает мой телефон и подозрительно щурится.

– Последняя модель? Райнер, высшая глупость брать гаджет в кредит.

– Эх, Марусь, дождусь следующей зарплаты и тебе такой же куплю, обязательно.

Кошкина, как порядочная, отнекивается, а мне смешно. Этот телефон – сущие копейки, но для Маруси несбыточная мечта. Сбыточная.

Лизка с шальными глазами вылетает из комнаты, она у нас компанейская и до дрожащих коленок радуется прогулкам. Неважно где, только бы народу побольше.

Мы спускаемся на улицу, садимся в тесненькую тачку. Неудобно, хоть я и сел впереди. Душный салон меня угнетает. Молчаливый водитель недовольно пыхтит из-за наставленных вдоль тротуаров машин. Огибаем Лизкин дом по двору.

– Марат! – слышу взволнованный голос Маруси, оборачиваюсь. – Посмотри за девятым дом. Тачка стоит черная.

– И? Нравится?

– Мне кажется, ее хозяин следит за мной. Уже третий раз замечаю.

Ее хозяин следит за тобой, милая.

Лизка хохочет и говорит, что слишком много чести Кошкиной. Мол, на таких агрегатах только цари рассекают. И Маруся – далеко не предел их мечтаний. Как же ты ошибаешься, подруга.

– Возьмите, сдачи не надо.

Расплачиваюсь с таксистом. Хлопаю грязной дверцей, а в ушах уже слышится колоритная мелодия нашего городка. Картавый голос ведущего в микрофон. Поодаль на площади собралась толпа в разноцветных одежках, как на митинге.

– Марат, ты чего? Опять в скалу превратился. Идем скорее, сейчас весело будет! – пищит восторженно Белоснежка.

И не откажешь. Четыре женских ручки тянут в самое пекло событий. Совсем не хочется. Я не брезгля, но мне тяжело даются такие развлечения. Признаться, отвык за десять лет.

Приходится отстраниться, чтобы расчищать путь для двух мелких барышень, Каштанками повизгивающих за спиной. У них неподдельный восторг. Они видят размалеванных танцоров, торговые палатки и сами пританцовывают, кричат. Девчонки здесь в своей тарелке, а я чувствую себя некомфортно. Но подыгрываю, улыбаюсь...

– ...Нет, Маруся! – В какой-то момент не выдерживаю, отдергиваю девчонку за локоть.

– А что? Так вкусно, бесплатно же.

– Ты не будешь пробовать самопальный компот из банки. Тут даже стаканчиков нет. Негигиенично. Пойдем, куплю тебе минералку.

– Райнер, ну и зануда! Ого! – Серые кукольные глаза округляются еще больше. Белоснежка улыбается, тычет пальцем в высоченный столб, а наверху колесо с привязанными игрушками. Молю испанских богов. – Марат... ты же сильный, да?

Могучий, да?

Набираю воздух в легкие. Кошкина, святая простота, предлагает мне подняться на сцену, где уже минут двадцать картавый ведущий не может найти храбрецов для конкурса. И огромный плюшевый медведь в палатке по соседству, предложенный мной, не перебивает желание Маруси получить именно затрепанного зайца с вершины столба. О, небеса...

– Ты мой герой, Райнер! – подбадривает кулачком Маруся.

И Лизка, предательница, на ее стороне. Заливается смехом.

– На, кофту поддержи и футболку. А тебе, сестрица, очки. Не профукай только. Полгода на них копил..

И тысячи глаз смотрят мне в спину. Те люди, что сами не решаются залезть на столб, а может, недостаточно сильны, позволяют себе насмешки, обесценивая мою инициативу. Кто-то свистит. Ай да Кошкина. Ведущий не на радость мне орет в микрофон, дабы привлечь внимание остальных. Вдруг кто-то еще не в курсе, что я вызвался добровольцем. Поднимаюсь по скрипучим ступеням на сцену. Подхожу к деревянному столбу, метров десяти высотой. Если честно, не доверяю совсем тем работягам, что крепили его к сцене. Мне кажется, столб немного пошатывается. Маслом еще намазали. Круто.

– Единственный богатыль, хлабрец! Давайте попливетствуем! – картавит маэстро в образе клоуна.

Но клоуном ощущаю себя я. Прицеливаюсь и так, и сяк. Я знаю, что на меня сейчас смотрит Маруся и с замиранием сердца ждет потрепанного зайца. Лучше бы квартиру ей подарил, а не вот это вот все.

Первый порыв получается комом, я соскальзываю. Но потом осознаю суть и быстро обдумав стратегию, взбираюсь. . Только масло напрягает. Напрягает мышцы до судорог, но уже слишком высоко падать. На лбу проступает пот. .

– Кошкина, тебе какого? – ору я.

– Синенького хочу!

Самого дальнего, черт бы его побрал. Срываю с ниточки игрушку и, как пожарный, соскальзываю вниз. Ощущение, будто марафон пробежал, ей богу. Штаны испорчены в хлам от масла. Перевожу дыхание. Желающих повторить мой подвиг, естественно, нет. Маруся бежит мне навстречу, счастлива безгранично, кидается с объятьями.

– А я не поняла, вы что такие нежные? – удивленно таращится Лизка.

Потом щурится с недоверием...и вспыхивает, чем подтверждает мое мнение о ней как о весьма смышленной девчонке.

Натягиваю футболку и кофту, пока Маруся гордо демонстрирует зайца незнакомым людям. Мол, ее Марат вон какой, а вы побоялись. Я поражаюсь непосредственности Кошкиной. Этот заяц – такая мелочь, но для Маруси самый бесценный дар. Куда уж моим квартирам с бриллиантами...

– Лиз, ты здесь остаться хочешь? Мне нужно переодеться.

– Я до победного буду, салюта дождусь.

Делаю вид, что обнимаю сестру. Сам незаметно кладу в карман ее куртки пару красных купюр. Лизка их все спустит на барахло из палаток, главное, чтоб на обратную дорогу оставила. Марусю тяну к себе.

– Райнер, я тоже хочу остаться...

Глава 6

– Составь мне компанию, мы вернемся сюда обязательно.

А Белоснежка с грустью вздыхает:

– Мед на дегустации еще не попробовала, магнитиков не купила. А вата на палочке? Марат, вот как можно приехать на праздник и не съесть что-нибудь?

– Идем.

Беру маленькую ладошку Маруси и иду быстрым шагом к торговым палаткам. Погода, конечно, в этом году аномальная. Не понимаю, зачем эта жара в марте? Достая бумажник:

– Магнитиков нам, штук десять разных. Досточку с выжженными тиграми. А там что? Глиняные фигурки? Давай, любезный. Всех по одной. В общем, нам срочно надо ненужного хлама и побольше!

Маруся охает. Это кажется ей слишком щедрым жестом. А продавец счастлив, пакетиком только шуршать успевает:

– Взгляните на бусы!

Не по достоинству оцениваю невнятность на ниточке из разных камней. Яшма, бирюза. В остальных не разбираюсь. Корявенькие, от балды сделанные. А Кошкина в восторге. Ей нравятся красные и темные. Маруся перебирает пальцами вторые и говорит, черный обсидиан на меня похож. Не понимаю сходства между мной и круглыми камешками на пыльной нитке, однако не спорю. Кошкиной виднее.

Я покупаю девчонке трехлитровую банку меда, чтоб на год хватило. Но Маруся говорит, что не хватит.

– Может, не будем вату брать? Смотри, там осы летают и чаша грязная. Парень без перчаток...

– Зараза к заразе не прилипнет, Райнер.

Не спорю. Топаем мимо палаток с вязаными носками и шалями. Кукурузой пареной воняет. Сам есть захотел.

– Вам клубничную или обычную?

– Микс! – деловито заявляет Кошкина.

Также деловито парень достает две обляпанные рюмочки с сахаром. В одной едко-розовый краситель. Скептически наблюдаю за процессом, отмахиваюсь от ос, пока Маруся нетерпеливо потирает ладошки.

– Благодарю.

Отходим в тихое место. Лизка на сцене сидит верхом на деревянном “козле”, сражается подушками с какой-то барышней. У сестры азарт шкалит. Ей просто необходимо выиграть набор ложек под Хохлому. Вопрос жизни и смерти.

– Попробуешь, Райнер? Вкусно, честное слово.

– Воздержусь.

Пытаюсь отказаться от сомнительного десерта. С пакетом на запястье скрещиваю руки на груди, отворачиваюсь.

– Да ладно тебе! А ну быстро открывай рот! – егозой прыгает вокруг меня маленькая Кошкина, тычет кусочком ваты в губы. Сдаюсь и...

– Непонятно, дай еще, вкус, на удивление, мне нравится

– Говорю же, пальчики оближешь. Да не мои, Райнер!

В общем, почти все сожрал я. Но Маруся не жадная, ее больше заводил процесс кормежки.

– Поехали со мной, туда и обратно.

– Так и быть, но мы должны успеть на салют. Нужно обязательно заснять его на камеру и выложить в Инстаграм. Такое событие, а у меня фото не будет!

– Как скажешь, Белоснежка.

Липкими пальцами достаю телефон, вызываю такси. Под согревающие лучи солнца неторопливо идем к выходу. С Лизкой не прощаемся. Она опять занята добычей нового трофея. На скорость хороводит вокруг стульчиков и жопкой падает на сиденье, когда народный ансамбль «Синильда» прекращает свое пение.

– Прошу, – со скрипом открываю дверцу для Кошкиной, сам усаживаюсь с другой стороны.

– Ох, Марат. Столько подарков накопил...

Стесняется Маруся. Неловко ей.

– Ты получишь намного больше этих побрякушек, – отвечаю, а потом обращаюсь к водителю. – В отель “Плаза”.

Кошкина слышит название и вновь округляет свои серые глазёнки:

– Зачем в “Плазу”?

– Я там остановился.

– А врешь, зачем, Райнер? Ты знаешь, сколько там номер стоит за сутки? Или впечатление произвести хочешь? Так не надо. В долги еще не хватало влезть.

И смешно, и не очень. Я, конечно, признаюсь Марусе во всем. Позже. Сначала надо объясниться с испанскими родственниками. Дон будет вне себя от ярости. Но уже пофиг. Абсолютно. То, что испытываю к Кошкиной, намного сильнее того, что испытывал к невесте. Или я просто сошел с ума.

А может, пострадал от одержимости.

Мы все дальше и дальше отъезжаем от площади, и с каждой секундой внутренний огонь разгорается сильнее. Растекается по жилам. До жжения концентрируется в груди. Отворачиваюсь к окну, пытаюсь отвлечься. Не могу. Деревья, дома, люди размываются в единую дымку.

В голове фантазия рисует две темные фигуры. Их тени на стене отеля “Плаза” переплетаются, плавно двигаются в едином ритме. Ай, Марат, угомони свои мысли...

Маруся шуршит пакетом, разглядывает безделушки. А у меня дыхание учащается.

– Возьмите за поездку. Тут еще на химчистку сверху, – расплачиваюсь с водителем, тысячу извинений ему за испорченное кресло моими испачканными штанами.

Испорченные мысли – преследуют меня как мания.

Выходим из авто.

Кошкиной неловко подниматься по глянцевым мраморным ступеням. Она думает, что одета слишком просто. В отель не пустят. На пару секунд зависает в холле. Любуются пафосом и обязательной хрустальной люстрой на потолке. Я люблю Кошкиной.

– Марусь...

Вздрагивает. Быстро-быстро перебирает ботинками по светлому мрамору. Становится со мной рядом у лифта.

– А можно будет отросток попросить того цветка? Здоровенный какой. И листики фиолетово-розовые.

– Тебе все можно.

Шагаем внутрь кабины, жму на кнопку. Прозрачные стенки вызывают у Кошкиной восторг до крика. Она говорит, что подниматься на семнадцатый этаж в таком лифте слишком зазорно.

Задорно. Больших усилий стоило не рассмеяться.

Лифтовая дверь распахивается, раздается звук, сигнализирующий о том, что мы прибыли на нужный этаж. Веду Марусю по ковровой дорожке. Ключом-картой открываю номер.

– Ох! Марат, ты снял президентский люкс?! Неужели в нашем городе такие бывают?

– Располагайся, Марусь, я сейчас.

Нужно срочно убраться подальше от Кошкиной и оказаться ближе к струе холодной воды. Залетаю в душ, скидываю с себя вещи. Встаю под ледяные струи. Не помогает. Жар тела намного сильнее. Ладно, Марат, с выдержкой у тебя раньше никогда проблем не было. Наверное.

Чуть ниже талии обматываю полотенце, пальцами зачесываю мокрые волосы. В зеркальном отражении вижу блеск в глазах. Ненормальный. Он вспыхивает всякий раз, когда я вспоминаю Марусю. Вдох-выдох. Толкаю дверь. Белоснежка на краю постели, пальцем ковыряет в банке с медом.

– Кушать хочешь? Я закажу еду в номер.

Стараюсь не смотреть в ее сторону, по привычке тянусь к одеколону.

– Хочу.

– Что хочешь?

– Тебя.

– Не понял?

Замираю. Все я понял. Дыхание становится в три раза чаще. Медленно оборачиваюсь.

– Белоснежка.

– М?

– Девочка моя...

Кошкина громко визжит.. Банка выскальзывает с ее рук, мед растекается по полу. Делаю еще один шаг к ней, скидываю поленце. По телу хлещет огонь и вибрации, рукой тянусь к маленькому замочку на кофте Маруси. Захватываю и тяну вниз.

Какая же Маша красивая, офигенная! Подталкиваю ее к шелковой постели, накрываю собой нежное тело.

Я сошел с ума – уже точно. И, черт возьми, мне это по кайфу. Маруся вкусная, как долька шоколада – ее губы до сих пор сладкие. Задеваю бархатную кожу ладонью, и Маруся с трепетом вздыхает. Тихо так. Только для нас двоих. Слышу, как пытается скинуть ботинки. Ай. Я не могу долго ждать. Я могу обнажить ее с легкостью. И гораздо быстрее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/mila-dali_/otec-millioner-pod-prikrytiem

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)